

«Истинный последователь Б-га».

Как обычно вечером мы сидели в его кабинете; он читал толстую религиозную книгу (хозяин набожен), я вслух разбирала детские сказки (там крупный, понятный шрифт). Он заглянул мне через плечо и заговорил сам, упомянув о нескольких звонках мамы насчет меня.

Прибавил, что говорить с ней не смогли, так как русским в доме никто не владеет, но ответили по-английски, что я позвоню, как только смогу. Прибавил, чтоб я готовилась к разговору, обдумав, чем порадовать мать, не расстраивая её. От радости я вскочила, совершенно непосредственно бросилась ему на грудь и обняла, поцеловав в щёку. Он едва улыбнулся и прижал меня к себе. Его руки скользили по моей спине, прощупывая каждое ребро, сжимая талию, опускаясь все ниже. В напряженной тишине я попыталась осторожно освободиться, но он все крепче прижимал меня к себе, терся о мой пах своим, просунул колено между моих ног, так что вскоре я отчетливо ощутила недвусмысленное набухание внизу его живота.

— Он не пристаёт к служанкам, — вспомнила я слова Джейн, которые теперь мне вовсе не казались достоверными. Прижав меня задом к столу, так что я не могла вывернуться, мертвой хваткой зажав руками бедра, он все сильнее терся твердеющим пахом о низ моего живота. Его лицо покраснело, он громко дышал. Внезапно он толкнул меня вниз на ковер, расстегнул брюки, и перед моим вытянутым от неожиданности лицом оказался темный эрегированный член. Я сидела совершенно ошарашенная, не ожидающая ничего подобного от набожного малоразговорчивого старика, пока он с напряженным лицом и полузакрытыми глазами сосредоточенно тер член кольцом пальцев. Треснула ткань платья, когда он рванул меня за ворот, обнажая шею и грудь. Сдавлив шею, он притянул меня к своему паху и мастурбировал все быстрее, почти упираясь пенисом мне в лицо. Я крепилась из последних сил, до конца не веря в происходящее, не понимая, чего от меня хочет старый развратник. Мне было плохо от тяжелых предчувствий, что я в очередной западне. Наконец, пыхтя как паровоз, мужчина выплеснулся на мою шею. Капли спермы потекли в ложбинку между грудями, и тяжело дыша, он следил за мокрой дорожкой. Он провел вверх рукой по моему лицу, размазывая сперму. Потом аккуратно вытер руки и сморщенный пенис салфетками, не предло-жив их мне, застегнул брюки, перелистал страницу настольной книги и вызвал слугу.

Я так и сидела на полу, охваченная гадкими предчувствиями. Вошедшему он велел отвести меня в мою комнату, и я вновь очутилась в шикарных покоях, некогда делимых с Омаром. — Господин велел не запирает дверь и ожидать его, — уже без удивления выслушала я и даже поняла приказ. Делать было нечего, а выживать как-то было нужно. И почему я решила, что старый распутник чем-то порядочнее своих сыновей? Стало так жаль себя, оказавшуюся в эпицентре похоти немолодых мужчин (и дети за 30, и папаша за 50 мне тогда казались стариками). Впервые за последнее время я с комфортом приняла душ, не толпясь в очереди с прислугой. Одеда прозрачную сорочку, купленную мне Омаром. И села на постели ожидать дальнейшего.

Тихо прикрыв за собой дверь, вошел Салман-ага в халате. Он с удовольствием оценил мой вид и присел рядом. — Ты хочешь меня? — на полном серьезе прошептал старый развратник. — Да, — как можно естественнее кивнула я. — Тебе придется постараться. Я не молод. Не

разочаровывай меня... — прижимаясь, прошептал он мне в ухо и поцеловал в шею. Меня передернуло — я испугалась, что мое отвращение заметно. — Снимай... Ложись... — слегка толкнул меня на кровать и, сняв одежду, я вытянулась на постели. Он долго ощупывал мое тело, будто впервые дорвавшись до женщины; я старалась не смотреть на костлявые, узловатые пальцы на своей груди, животе, бедрах... Он будто старался возбудить меня, чувствительно надавливая, пощипывая, покручивая.

Удобно усевшись сбоку, он раздвинул мои ляжки и приблизил пальцы к сухому влагалищу. Я закусила губу и вздохнула. Сперва поверхностно поглаживая, старик все глубже пробирался внутрь, и вот его холодные пальцы ускоряют скольжение во мне. Со сладострастным выражением лица он пристально наблюдал, как мои пухлые нижние губки темнеют, влажнеют и призывно раскрываются под ускоряющимся темпом его настойчивых пальцев. Положив вторую руку на мой вздымающийся лобок, он прижал его, закатил глаза и прошептал: — Возьми его... Сейчас... Я несмело коснулась его бедер, скользнула рукой меж ними: пенис был чуть твердый. Точно — придется постараться! Скрывая неприязнь и стараясь не смотреть в краснеющее и трясущееся лицо хозяина, я принялась за непростую работу. Я стремилась быстрее возбудить старика, чтоб освободить себя из плена его цепких пальцев, ощущения от которых становились невыносимыми. А он безуданно мучил меня, удовлетворенно прислушиваясь к громкому хлюпанью моей вывернутой вагины. В конце концов член отвердел настолько, что это можно было считать готовностью. Похотливый хрыч, всхлипнув, скинул халат, обнажив заросшее седыми волосами тело, обвисшую грудь и выступающий складчатый живот. Как раскрывает человека нагота! Подтащив к краю кровати, он подхватил меня за колени, приподнял вверх, сам присел и ввел член. Я зажмурилась, не найдя в себе сил смотреть, как меня имеет сластолюбивый старик. Могущий стать моим родственником. Почти отцом. Но пожелавший сделать меня наложницей.

Быстро он затрясся и выплеснулся в меня. Хорошо, что хотя бы процесс был недолгим! Устало опустился на кровать рядом и вытянул жилистое тело, касаясь моего. — Тебе понравилось? — не глядя на меня. — Да... — Мой сын лучше? — так и спросил. Ну как ответить? Переспросить, который из сыновей? — Вы нежный и ласковый... добрый... Мне хорошо с вами... Одобрительно похлопал меня по груди. — Ты доставила мне большое удовольствие. Я умею быть благодарным, не пожалеешь... Сжимая мою руку: — Спи, девочка моя! Завтра важный день, с мамой поговоришь. Оставшись одна, я опять плакала, поняв, что никогда не выберусь отсюда — не отпустит престарелый любовник. Почему судьба так несправедлива ко мне? Я совсем не разбираюсь в людях и выбираю не тех мужчин. Впервые почувствовала к бросившему меня здесь Омару глухую неприязнь я, так долго мысленно оправдывавшая его.

Вожделенное пробуждение.

Филиппинка Джейн помогает мне одеться и красиво укладывает волосы — я готовлюсь к видеосвязи с мамой. — Нет, не плачь! — она вытирает мне слезы. — Красное лицо будет заметно на экране, тебе не разрешат звонить. Ещё слой пудры — и цвет кожи допустимого оттенка. — Мне плохо Джейн... Надежды нет... Как жить?... Кто мне поможет вернуться домой? — вопросы без ответа. — Меня тоже не выпускают. Подозревают, что мы с тобой договорились и я хочу помочь тебе, — шепчет Джейн. — Молодые хозяева злятся и вымещают все на слугах. Бьют, насилуют девушек... Все шепчут, что из-за тебя. Думают, ты поссорила их с отцом, его выбрала вместо них. Я непонимающе смотрю на служанку и, поняв, истерически

хохочу; та пытается успокоить меня. Вот оказывается, как со стороны выглядит мое положение: я перебрала всех мужчин семьи, перессорила и остановилась на отце. Хохот переходит в рыдания: хотела бы я получать удовольствие от своей ситуации, да что-то не хочется! Не получается!

Смыв расплывшийся макияж, накладываем свежий и выходим к ожидающему хозяину. С ним фотограф и уже знакомый по видеосвязи переводчик. В разных домашних интерьерах меня фотографируют, я старательно позирую, изображая полное довольство жизнью. Правила разговора прежние: я говорю то, что положено, избегая запретных тем. При малейшем сомнении переводчика разговор прерывается, и возможность последующего откладывается на неопределённый срок. Я враждебно смотрю на довольного собой старика и переводчика; они делают вид, что не заметили. Представление для мамы удается на ура: она трогательно благодарит хозяина, так заботящегося о её дочери. Салман-ага благочестиво кивает головой в ответ и прижимает руку к сердцу в знак ответной благодарности. Он гладит под столом мои колени и пожимает руку. Фото с наряженной белокурой невестой отправляются маме. Ночью, сидя на моей постели, он раздвигает волосатые ноги и кивает мне вниз: — Возьми его... Погладь... Я устраиваюсь между коленей и руками довожу пенис до по-луэрекции. Он притягивает меня: — А теперь поцелуй его... Хочу войти в тебя... Он вжимает член в моё лицо, и мне ничего не остается, как раскрыть рот. Постаравшись спрятать брезгливость, зажмурив глаза, я долго облизываю полумягкий орган, жидкие заросшие яички, беру его в рот и сосу. Бесконечно тянется время, а старик всё не может. Интересно, он разозлится, если я не смогу возбудить его? А ведь его раздражение опасно! Тогда меня никто не защитит от его гнева! И — прощай призрачная надежда на возвращение домой. А так у меня остаётся хоть небольшой шанс уговорить старого пня. Я удвоила усилия, глубоко засасывая начинающий твердеть пенис; через минуту мужчина уже устраивал меня верхом на бёдрах, сам откидываясь назад. Я осторожно закачалась на не слишком твердом члене, придерживая его руками, чтоб не выскользнул, и аккуратно вставляя обратно. На запрокинутом лице старого сладострастника читалось блаженство, а вот я ничего кроме отвращения не испытывала. Хотелось бы и мне получать удовольствие от соединения с любимым! А вовсе не ублажать ненавистных ублюдков. Как ты мог так поступить со мной, Омар!? Враждебное чувство к возлюбленному холодом заползло в мое сердце и поселилось там. Так по капле уходила любовь к жениху, освобождая место для горячей ненависти. Скоро она полностью захватит меня, диктуя планы, поведение, цели.

Равнодушно я наблюдаю, как хозяин падает на спину и дрожит в экстазе. Он тянет меня к себе, и мы долго целуемся. Он что-то бормочет про упругость моей груди и сладость вагины. Я горячая, огненная — разбираю его похвалы. Я сумела пробудить его ото сна, в котором он долго пребывал. Теперь со мной он молодеет, и я стану топливом для его двигателя — вот как-то так. Он добавляет, что благодарен небу за подарок в виде меня и теперь не сердится на младшего сына, послушавшегося его. Он не хотел моего приезда и запретил привозить невесту. Омар взял на себя смелость, и вот что из этого вышло — теперь он не отпустит меня. Я откидываюсь на спину и отворачиваюсь, чтоб не слышать потока сладострастных восклицаний.

Отдышавшись, старик уходит в ванную и зовет меня, чтоб я помыла его. Пересилив антипатию, долго тру его волосатое тело; потом он водит губкой по мне, похотливо лапая меня. Он расставляет ноги и протягивает мне бритву: — Чтоб тебе было приятно ласкать

меня... Дрожащими от неловкости руками впервые брею промежность мужчине, зорко следящему за процессом. Ощупываю пальцами висящее достоинство, проверяя качество бритья. Жилистая ладонь ложится на мои волосы: — Язычком... проверь... так вернее! Устаю от оральных усилий, не добившись желаемого; с беспокойством жду, опустив голову. Мужчина отпускает мои волосы и добродушно поднимает меня, успокаивая, что он все равно доволен. Садится на широкий бортик большой ванны, поднимает руку с бритвой и делает неопределенный жест. Не зная, как быть, нерешительно придвигаюсь. Закинув мою ногу себе на плечо, он тщательно покрывает пеной лобок и решительно орудует станком. — Вот так гораздо лучше, — удовлетворенно констатирует он, дотошно проверяя гладкость блестящего влагалища. Запрокинув голову и стиснув губы терплю очередное унижение. Отныне это моя жизнь, до тех пор пока я что-нибудь не придумаю.

Ребяческий побег.

— Ты готова выйти в город? Хочу побаловать свою маленькую девочку, — внезапно предлагает хозяин, поглаживая мои соски после очередного удачного постельного сеанса. Мои ночные усилия всегда успешные, поэтому старый эротоман весьма доволен мной. Я лежу на его груди и, скучая, смотрю в потолок, поэтому он не может видеть моего повеселевшего лица. Неужели у меня появится шанс сбежать? Ничего другого не приходит мне в голову при словах «выйти в город». Я окажусь на свободе и легко обману старого негодяя. Я благодарно глажу его по рукам, перебирающим мои оттянутые соски. Поворачиваю голову и взапуск целую его. Потом прижимаюсь к нему боком и почти признательно лижу его гладкие гениталии, в то время как старик глубоко погружает руку в мое вновь увлажненное влагалище.

На заднем сидении большого автомобиля Салман-ага снисходительно поглаживает мои колени, пока я жадно смотрю в окно. Сколько времени я была замурована во дворце-тюрьме и не видела света белого!? Мы едем в ювелирный магазин обновлять мою коллекцию золота, впервые с тех пор как мне его дарил Омар. Старик размышляет, какое именно пойдет мне, с камнями какой расцветки, а я готовлюсь мгновенно выскочить из машины, как только она остановится. Шофер распахивает передо мной дверь, и словно ракета, оттолкнув его, я срываюсь с места. Бегу куда глаза глядят, только подальше от семейки насильников. Шарф слетает с головы, светлые волосы падают на плечи, мне сигналият и громко тормозят машины, пока я, не разбирая дороги, бросаюсь им наперерез. Застыв от страха посреди шоссе, чуть не сбита автомобилями, я потерянно озираюсь в начинающей окружать меня толпе шоферов и подоспевших зевак. Одни мужчины недоуменно разглядывают меня, и взгляды становятся все более агрессивными. Я тяжело дышу, растрепанные волосы в беспорядке, я — нарушившая местные традиции иностранка. — Я российская гражданка... Помогите мне!... Где российское посольство? Меня удерживают силой... Отвезите меня в посольство... — на русском, а потом, опомнившись, на английском, потом вспомнив, по-местному повторяю я. Окружающие качают головами и перешептываются: — Проститутка... девка... — слышу я. Растолкав толпу, ко мне продирается хозяйский шофер и, отвесив оплеуху, что-то успокоительное говорит толпе. — Прислуга... припадочная... сумасшедшая... — разбираю я и отчаянно упираюсь и кричу, пока он тащит меня к машине, ехавшей следом и припаркованной неподалеку. Моих сил не хватает на борьбу с сильным мужчиной и, связав мне руки и бросив в багажник, меня возвращают домой.

Сколько я здесь нахожусь? Темная комната вроде чулана стала моим новым пристанищем.

Меня не кормят, мрачный слуга выносит ведро раз в день и изредка бросает мне маленькую бутылочку воды. Томительно тянутся дни, но их сменяют страшные ночи, когда приходят знакомые насильники и истязают меня. Первый раз они мучили меня прямо здесь на грязном полу, кончая мне в рот по очереди. Затем брезгливость возобладала, и меня приволокли в ту же маленькую комнатку на половине прислуги, где прошли ужасные дни первоначального насилия надо мной. Братья как с цепи сорвались, вымещая на мне злобу за всё: за своего отца, за брата, за побег, за то, что я досталась не им. Теперь я понимала почти все, что они рычали, трахая меня. И то, что я, русская шлюха, ускользнула от них, обольстив их отца. И то, что старик очарован мной, потому что перестал быть импотентом, кем и был много лет, и вновь испытал радость секса. И то, что только на меня у того встает и он больше не может ни с кем. И то, что он и сам не верит во внезапно привалившее счастье в моем лице. И то, что не собирался расставаться со мной и теперь разочарован во мне. И то, что я никогда не выйду из грязной каморки, забытая своим престарелым покровителем. Они много чего ещё хрипели, всаживая в меня бугристые члены.

Благодарность рабыни.

С болевшими от слез глазами, иногда я принималась молиться, наивно, по-своему обращаясь ко всем богам, которых знала. Охрипнув от рыданий и обессилов, поняв, что небо мне не поможет, я шептала в полубреду имя старика, интуитивно признав в нем единственного спасителя. Временами приходя в себя, я колотила в двери каморки и громко призывала его, прося прощения и обещая одуматься. В глубине души надеялась, что слова его отродья окажутся правдой и старик, завися от меня так же, как и я от него, вспомнит обо мне. Ярким солнечным утром в комнатку вошел Салман-ага, и я обняла его колени. Рыдая, слушала его упреки в собственном предательстве и неблагодарности. Ловила его руки и целовала их, прося простить меня и обещая послушание и преданность впредь. Просила забрать меня отсюда, твердя, что мечтаю вновь оказаться в его объятьях. Жёсткие руки смягчились, он положил их на мои волосы. Уже вскоре в моих роскошных покоях меня отмывала милая Джейн, мягко упрекая в неблагоразумии. По её словам, я ничего не продумала заранее, поступив импульсивно и глупо. Так нельзя в чужой стране, где у женщин мало прав, а у беспаспортных иностранок их вовсе нет. Она заклинала впредь быть умной и хорошенько обдумывать свои шаги. Облачив в прозрачные одежды, уложив волосы, надушив и наложив макияж, служанка оставила меня ожидать своего благодетеля.

Смирненно на коленях у разобранной кровати я встретила хозяина, вошедшего со строгим лицом. Распахнув полы халата и обнажив висящее сморщенное достоинство, он велел вымыть ему ноги. Старательно тёрла я жесткие ступни и щиколотки старика, прижимаясь к его коленям грудью, обтянутой прозрачной тканью. Презрительно цедя фразы, он спросил о причине моего побега. Молодостью и глупостью объяснила я свой необдуманный поступок, а также отсутствием истинной веры. Вот если б я приняла его веру, то Б-г избавил бы меня от ненужных сомнений. Старик одобрительно посмотрел на меня, погладил по волосам и прибавил, что ему нравятся мои мысли. Если я твердо решила стать истинно верующей, то он готов помочь мне. Б-г прощает оступившихся и принимает их раскаяние. Как принимает сейчас он сам мои извинения, если они подлинны.

Широко расставив ноги, поглаживая висящий орган и сжимая мне плечо, старый лицемер всерьез рассуждал о религии, готовясь через минуту принять ласки неверной. Забыв, что религия запрещает наслаждаться прелюбодеянием, не ведущим к зачатию. Усмехнувшись

про себя подобному парадоксу, я отодвинула таз с остывшей водой и поднесла к губам хозяйскую ступню. Облизав стопу, я поцеловала большой палец и, посасывая его, принялась поглаживать ногу всё выше и выше. Старик сладострастно откинулся на руках и уперся ногой мне в грудь. Пока я массировала его дряблые ляжки, скользя руками все выше, и сосала палец ноги, он придавливал мною грудь, стремясь ухватить сосок. Наконец упал на кровать, предоставив твердеющий член моим губам. Я очень старалась — хозяйский орган никак не хотел наливаться силой. Но не зря твердили насильники, что только я могу вернуть того к жизни. Довольный престарелый самец поднялся, ухватился за мою грудь и, намотав на кулак волосы, сильно насадил губами на пришедший в боевую готовность член. Сперму я проглотила до капли и долго не выпускала опавший орган, высасывая последнюю жидкость. Я призналась в любви стари-ку, и он довольно улыбался крепкими вставными зубами. Мы заснули, тесно обнявшись.

Фаворитка.

Постепенно я снова заняла центральное место в жизни Салмана-ага. Бодро он выходил утром из моей комнаты; я стояла за его плечом за завтраком, подливая ему кофе. Вернувшись из офиса и переодевшись в домашний балахон, он тотчас призывал меня. Тщательно причесанная и покрашенная, я с улыбкой целовала его руки, и он сладко жмурился. Хозяйкой я ходила по дворцу, приказывая слугам, покорно выполнявшим мои распоряжения. Насмешливо глядя в глаза, встречала злые взгляды его отпрысков, дивящихся моей наглости и ловкости. — Шлюха... развратница... неверная... — прошипела мне в лицо толстая жена Салмана-ага, когда я в струящихся стильных нарядах выходила из его кабинета с подносом в руках. — Ваши сыновья постарались сделать меня шлюхой. А вы не защитили меня, хотя могли. Теперь я здесь и никогда не оставлю возлюбленного хозяина, — равнодушно проговорила я, проходя не останавливаясь мимо неё. Спрятавшись за углом, я слышала их разговор, где муж указал ей, что он полный хозяин всего в доме. И пригрозил разводом. С красным лицом выскочила она из кабинета и, плача, ушла к себе, чтоб вскоре отбыть далеко на лечение. Все домашние были убеждены, что я околдовала старого хрыча, и только он, вновь за много лет став полноценным мужчиной, оставался доволен мной.

Мы часто сидели с ним в саду, и он объяснял мне основы религии, по-своему интерпретируя понятия греха и воздаяния. Запрета насилия и прелюбодеяния мы не касались, ловко обходя их в беседах. Я готовилась принять веру и каждый день читала толстую религиозную книгу, а он истолковывал непонятные места. Как ни странно, в ней вовсе не говорилось про бесправие женщин, про домашнее насилие, про сексуальное рабство, про закрытые одежды, про ненависть к представителям другой веры. Это была правильная и добрая книга про всеобщую, взаимную любовь разных народов и рас, мужчин и женщин, Б-га и людей. А похотливый лицемер находил в ней то, чего там не было, оправдывая все мерзости жизни, в том числе совершаемые его семейкой, именем Господа. На мои осторожные, продуманные вопросы он уверенно отвечал собственным толкованием канонов религии и сердился на мое любопытство.

Застыв перед зеркалом, я наблюдаю, как любовник застегивает на мне очередное тяжелое драгоценное кольцо, устраивая переливающиеся камни меж обнаженных грудей. (интереснейшие занятия — массаж и танцы. Никогда ранее не занимавшаяся ими (я увлекалась спортом; от массажа была и вовсе далека), я открыла для себя новый волнующий мир. Хореограф, поначалу критиковавшая мои неумелые потуги изящно крутить бедрами и

мелко трясти грудью, потихоньку начала хвалить. Она с гордостью отчитывалась перед хозяином о моих успехах, отработывая немалый гонорар. Когда впервые под волшебную восточную музыку я вращала бёдрами и грудью, взмахивая прозрачным покрывалом, Салман-ага благосклонно качал головой. Что и говорить, теперь у меня был единственный благодарный зритель, щедро даривший мне аплодисменты после. Снимая по его знаку с себя поочередно детали одежды, я заканчивала танец уже в его объятиях. Он пылко сжимал мое уставшее тело, увлекал на постель, зарываясь седой головой меж моих ног. Нисколько не похожи были эти оральные ласки на прежние, даримые женихом. Престарелый любовник был ненасытен и необуздан: огнём горело истерзанное его губами влагилице, с хлюпаньем принимавшее позже напряжённый член. Когда становилось невыносимым напористое всасывание и пощипывание нежных складочек, покусывание и вытягивание клитора, я стонала, разрешая любовнику думать, что от страсти. Какое-то тяжелое возбуждение охватывало меня, лежащую, раскинув руки и ноги, на смятой постели. Не оргазм, конечно, нет, никакой радости от сношений я не испытывала. Что-то вроде нервного потрясения от нежеланного, насильственного вторжения в организм. — А теперь разомни меня нежно, как ты умеешь, — едва отойдя от любовных конвульсий, требовал хозяин. И я показывала свои новоприобретенные навыки, растирая и поглаживая его дряблую кожу. Слизав наши соки с ухоженной старческой промежности, завершала массаж, вытянувшись рядом с пресыщенным сластолюбцем.

Лалла, верующая в истинного Б-га.

Патриарх решил, видимо, раз и навсегда указать родственникам, кто в семье диктует правила (наверное, в ответ на их недовольство). Вечером велел одеться в длинную тонкую рубаху и повел в семейную баню мыться. Млея на горячей лавке под моими пальцами, разминающими его кожу, он удержал меня и не разрешил уйти, когда зашли его сыновья, обернутые полотенцами. Как ни в чем не бывало, он поздоровался с ними и продолжил беседовать со мной. Поворачиваясь с боку на бок, насмешливо посматривал на молчаливых сыновей, ерзавших на лавках. И на меня в мокром, плотно облепившем тело платье. Неспешно закончив массаж, пригласил всех в парную, где уселся рядом со мной напротив сыновей. Покрасневшие от жары отпрыски вели с отцом деловую беседу и незаметно пялились на мое вспотевшее тело под тонкой тканью. Раскинувшись на лежанке, я лениво наблюдала за купанием в бассейне мужчин, пока отец не попрощался с сыновьями, недвусмысленно дав понять, что не задерживает их. Уходящие сыновья видели, как папаша, призывно улыбаясь, подходил ко мне. Как мы, обнажённые, лежа валетом на боку, вжавшись в пах друг друга, сосем горячую плоть, они видеть не могли. Привычно вытерпев темпераментные ласки любовника и проглотив густую сперму, я с наслаждением нырнула в прохладный бассейн. — Ты хотела принять нашу веру? — огорошил меня вопросом старик, когда я вынырнула, отфыркиваясь.

Я приняла веру хозяина и выбранное им для меня имя — Лалла. Так зовут одну из принцесс королевского дома, чья жизнь совсем не похожа на мою — бесправной наложницы. Имя означает что-то вроде «возлюбленная, цветок». Салман-ага одарил меня очередными драгоценностями и заказал несколько новых нарядов.

Безутешная невеста.

После успешного постельного сеанса с новообращенной единовёрткой, хозяин с полуулыбкой внимательно взглянул на меня, придвинулся и прижал головой мою влажную грудь. — Я

говорил со священником... Я смогу жениться на тебе через 2 месяца, когда пройдет пост... Кого ты хочешь посаженным отцом? Шакира? У меня задрожали губы и руки, обнимающие его плечи. Он почувствовал: — Ты удивлена? Я едва дышала: — Да... Свадьба?... Разве вам плохо со мной?... Он опустил горячую руку на мой лобок: — Колется... Побрею тебя сегодня... А ты меня... Нехорошо юной красивой женщине быть одной... Жить в грехе... Ты теперь не неверная... У нас есть законы... Без защитника нельзя... Что с тобой будет, если я умру? Кто позаботится о тебе (другая была бы признательна за эту заботу, но не в моём случае)? Состояния у тебя нет... родителей тоже... Я теперь твоя семья. Или ты предпочитаешь моих сыновей? — Мама у меня... там... — я боялась произнести запретное имя своей Родины, опасаясь вспышки его гнева. — Она тебе чужая... неверная... ты теперь не можешь общаться с ней... это грех, — в который уже раз по-своему истолковал священные книги этот знаток религии, чувствительно сжимая мою влажнеющую промежность. — Вы оставите жену? — Зачем? Это не требуется. Ты будешь моей второй женой... любимой... — он едва касается моих дрожащих губ своими твердыми и усмехается, увидев моё смятение. — Почему все невесты расстраиваются? Боятся неизвестности? Тебе нечего бояться, ты как следует узнала меня. Доверься мне, и мы будем очень счастливы вместе. Объездим весь мир! Воспитаем детей! Первый будет мальчик, потом можно и девочку... Я хочу от тебя много детей... Он пытается проникнуть между моими сведенными бедрами; я чуть развожу ноги, и сластолюбивый циник проталкивает руку в полусухую вагину, причиняя мне болезненный дискомфорт. — А что скажут ваши сыновья?... Родственники? — из последних сил сопротивляюсь я, стараясь не возбудить подозрений «жениха». Он презрительно смеется, далеко запуская пальцы в увлажняющийся проход: — Ничего не скажут!... Позавидуют!... — А как же то, что я не была девственницей, когда мы познакомились (осталось ещё напомнить про Омара)? — Сейчас этому не придают большого значения... Зато ты будешь мне верной женой, правда, моя золотоволосая Лалла? — длинные костлявые пальцы проникают почти до матки, грозя задеть спираль, надежно защищающую меня от грязного семени похотливых самцов. Боль сбивает меня с толку, мешая изыскивать новые поводы избежать печальной участи. — Мой возлюбленный тюльпан, — перефразирует хозяин моё новое имя, усиленно работая рукой, — ведь мы любим друг друга, а это дар небес! Расскажи, когда ты поняла, что влюблена? Его пыхтение у меня на груди и собственные мучительные мысли не дают мне сосредоточиться: — Когда поняла, что люблю? Когда Омар... Сердитое сопение... Глубоко погруженная в меня рука остановилась... — Я полюбила... полюбила... когда видела вас по скайпу... вы были так... любезны со мной... А потом, когда... когда... увидела вас здесь... Вы мне сразу понравились... Когда вы пожалели меня... — не слушающиеся меня губы отказываются произносить слова любви, в то время как хочется кричать и выть от горя, крушить равнодушный лицемерный мир вокруг. — Когда... подарили меня своим... вниманием... и... заботой... — И любовью, — наставительно закончил он, вынув руку из хлопнувшего отверстия, внимательно рассмотрел её и поднёс к моим губам...

— Порадуй меня, раз так любишь! — он деловито поднялся с меня и, не придавая значения расстроенному виду, почти сел мне на лицо. — Нет, не там... Там... — приблизив зад к моему лицу. — Язычком... и пальчиком... нежно, как ты умеешь... Я беззвучно плачу ночью, зажимая рот подушкой, чтоб не разбудить утомленного мужчину.

Призрачная надежда.

Моему горю не было предела. Оставшись наедине с верной Джейн, я умоляю её придумать

хоть что-нибудь для моего спасения, предлагая ей любые украшения. Она отодвигает побрякушки и рассказывает, что вскоре истекает срок контракта одной из служанок, та возвращается домой. Может быть, удастся её уговорить незаметно отнести письма на почту, когда та покинет дворец. Надежды мало, но стоит попробовать. Я зашиваю письма и дорогое кольцо в одно из своих платьев, которое намереваюсь отдать той девушке. И жду сигнала Джейн, когда придёт время.

Пока мы с филиппинкой ожидаем подходящего случая, Салман-ага торопится: идея со свадьбой так захватила его, что он решил не тянуть с наследниками, и раз уж мы все равно живем вместе, предпринять соответствующие усилия. — Ты не обязательно сразу забеременеешь, зачатие может не наступать сколь угодно долго, а в моем возрасте нельзя тянуть, — убеждает он меня, крепко обняв на заднем сидении автомобиля. Мы едем в клинику избавляться от последних препятствий к зачатию. Нас сопровождают трое крепких слуг, не спускающих с меня глаз. Я, не скрываясь, плачу, а он твердит, что это — от счастья и я просто напугана внезапностью его предложения. — Ты должна привыкнуть к мысли, что ты теперь замужем... почти замужем... Я понимаю, тебе страшно. Но это скоро пройдет. Я заставлю тебя забыть грустное прошлое... Отныне твоя жизнь здесь, рядом со мной, с нашими будущими детьми... Едва сдерживая желание вцепиться ногтями в лицо мерзкому старику, маскирую все за спасительными слезами. Чувствуя серьезность шага, хозяин даже не сердится на моё неуместное огорчение. В клинике иностранка-врач освобождает меня от защиты; заехав по дороге в модный магазин, мы возвращаемся в мою тюрьму.

Я прошу разрешения побыть одной, и старик, недовольно скривившись, оставляет меня. Закрывшись в комнате, наплевав на приличия, я громко рыдаю и всерьез подумываю о смерти. Только трусость и сильное желание жить, да ещё слабая надежда останавливают меня от решительного шага. К зашедшему пожелать мне спокойной ночи Салману-ага я не поворачиваюсь, неподвижно лежа одетой поверх покрывала. Он молча гладит меня по волосам, называет своей Лаллой и уходит, не мучая вопросами.

Через пару дней он оставляет во мне первую порцию опасного семени. Ловушка захлопнулась — он не отпустил меня в ванную, кинув понимающий взгляд. После его засыпания предпринимать что-либо было уже поздно. Назавтра Джейн забрала пакет с платьем и письмами: из окна я наблюдаю, как за ограду дворца выходит невзрачная смуглая девушка. В её руках — моя жизнь. Дай ей Б-г смелости! Мы понимающе переглядываемся с моей филиппинкой; остается только ждать и надеяться.

Мужская собственность.

— Тебе не больно, любимая? — Нет... — Так хорошо? — Хорошо... — безучастно рассматриваю потолок, подсчитывая дни до следующих месячных, которых очень жду. Мысленно прошу организм не подвести, уберечь от постылой беременности. С громким чавканьем престарелый «жених» ласкает «невесту», насилуя мою растерзанную темно-розовую вагину жадным ртом. Захваченная мыслями о вероятном скором освобождении, я забываю «играть» оргазм. Старик сильно прикусывает мой клитор, и я возвращаюсь в отвратительную реальность. Выгнувшись, начинаю стонать и метаться. Любовник покровительственно обнимает меня и целует липкими губами.

— Теперь я вижу, что тебе хорошо! — вытягиваясь рядом и раскидывая волосатые ноги. — Поласкай меня... Приподнявшись на локте, заключаю в ладонь тщедушный отросток. Чтоб он приобрел достойный размер, придется приложить усилия. Медленно начинаю длительное

действие, всегда увенчивающееся успехом. — Когда я вам понравилась, расскажите? — интересно, как оправдывается старый негодяй, трахающий невесту собственного сына. — Сразу, как приехала... Такая юная, тонкая, с золотыми волосами... Веселая... Так старательно учила язык... Так уважительно разговаривала со мной... — он разулыбался от приятных воспоминаний. — А вы знали, что мы с... Омаром... не поженимся? — впервые после долгого перерыва произношу имя бывшего жениха и опасаясь, что старик рассердится. Но нет, сделав меня фактически женой, он видимо, полностью успокоился насчет прошлого и уверен в моей любви: — Конечно, знал! — А почему? — Женитьба — важный шаг, Омар не может сам выбрать невесту. Мы за него все решили уже давно, и сын знал об этом, — жёстко отчеканил старый лицемер и недобро взглянул на меня.

Быстро пригнувшись, я втягиваю в рот и не думающий твердеть орган и добросовестно сосу. Вновь устраиваю его в руке и останавливаю взгляд на короткой седой бородке хозяина. — А когда решили, что не отпустите меня домой? — Когда понял, что со мной тебе будет лучше. — А Омар... ? Он так просто согласился уехать без меня? — в ответ на ироничный взгляд я опять засасываю сморщенный пенис, пытаюсь выжать из него хоть что-то. — Не просто, но согласился. Мы убедили его, нашли аргументы... — Мы... ? — Мы с сыновьями. — А вот моя болезнь? Почему я заболела так внезапно? — Так захотел бог! — глядя мне прямо в глаза. — Он знал, что я дам тебе намного больше! Ты согласна? — Согласна... — эхом откликаюсь я. — А почему вы уехали вслед за Омаром и оставили меня с сыновьями? — Тебе следовало подумать и решить, что для тебя лучше. Сыновья хотели убедить тебя принять правильное решение. Ты же послушала их? — Да... мне пришлось... — Это было твое решение? Ты же ни в чем не раскаиваешься? Я приникаю губами к мокрому органу, наконец-то проявившему признаки жизни. Жалеть о безвозвратном прошлом поздно.

День за днём хозяин наполняет моё лоно семенем, приближается ненавистный день свадьбы. Разрешая мне очередной раз поговорить с мамой, мужчина властно приказывает пока ничего не говорить о скорой свадьбе. — Расскажешь потом как-нибудь, — безразлично прибавляет он, не слушая моих доводов, что это важное событие и для неё тоже и она вправе знать. — Она чужая, — жестоко твердит он, — ей необязательно знать... когда-нибудь потом... Тесно прижатая к хозяину, сжимающему мою руку, я, как заводная кукла, повторяю, что всем довольна и не болею. А улыбающийся Салман-ага благодушно кивает маме, подтверждая мои слова.

В домашней бане под подозрительными и завистливыми взглядами распаренных сыновей я опять массирую и тру мочалкой их расслабленного отца, бросающего на меня взгляды сообщника. И выпроводившего взрослых детей, как только мои острые соски обозначились под мокрой тонкой рубахой. Доведя до изнеможения мою вагину жестким языком, старик легко вошел в меня, поставив по-собачьи на горячей лавке.